

Авторы рецензируемого сборника ставят важнейшие проблемы сибиреведения не только в теоретико-познавательном, но и в научно-организационном плане.

В современных условиях, когда сельский быт быстро изменяется, возможна утрата ряда ценных традиций. Поэтому обращение к прошлому позволяет определить необходимую преемственность развития, правильное соотношение нового и старого.

В рецензируемой книге рассматривается широкий круг тем, связанных с особенностями бытования традиций в таких элементах народной культуры, как сельскохозяйственные навыки населения, планировка поселений, жилище и другие постройки в усадьбе, одежда. Это и много и мало. Много по отношению к небольшому коллективу авторов и мало по отношению к исследованию проблемы в целом. Безусловно, заслуживают особого внимания и такие вопросы, как пищевые продукты сибирского населения, использование местным крестьянством ресурсов дикой флоры, конструктивные особенности и формы использования транспортных средств.

Вопросы эти, очень важные и сами по себе, приобретают особую значимость при исследовании осваиваемых районов, и в частности Сибири.

В двух первых статьях сборника: В. А. Александрова «Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVIII—XX вв.)» (стр. 7—21) и А. А. Лебедевой, В. А. Липинской, Л. М. Сабуровой, А. В. Сафьяновой «Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII—XX вв.)» (стр. 22—109) рассмотрены основные этапы этнографического изучения русского населения Сибири и показаны наиболее перспективные направления исследования. В. А. Александров справедливо отмечает, что в буржуазной историографии народным массам отводилась пассивная роль в хозяйственном освоении сибирских земель, что, как правильно показано в статье, порождает ряд методологических ошибок, в частности взгляд на Сибиряка как на особый этнографический тип, принципиально отличный от русского. Основной недостаток исследований дореволюционного времени В. А. Александров видит в том, что не уделялось должного внимания историческим корням сибирской культуры (стр. 9—10).

Автор глубоко характеризует вклад советских ученых в развитие сибиреведения. Их исследованиями и в первую очередь работами В. И. Шункова была установлена первостепенность роли русских переселенцев в развитии производительных сил и культуры Сибири.

В заключение своей статьи В. А. Александров выделяет основные проблемы современного сибиреведения — это выявление общих черт русской культуры на всей территории расселения русских, установление этнокультурных связей, возникших в процессе миграций, изучение структуры производительных сил с учетом конкретных экологических особенностей и влияния народной культуры земледелия на социально-экономические отношения (стр. 17). Автор освещает также круг источников, которые можно использовать при решении поставленных задач (стр. 20—21).

В коллективной статье А. А. Лебедевой и других показано, как разворачивались исследования материальной культуры русского населения Западной Сибири. В целом авторам удалось дать ясное представление о формировании основных направлений исследовательской мысли, определить наименее изученные аспекты проблемы. Хронологический очерк охватывает период с XVIII по XX вв. На наш взгляд, следовало хотя бы кратко остановиться на результатах исследования, которые были достигнуты в рамках функционирования системы государственных учреждений. Слов нет, научные учреждения XVIII, XIX и XX вв. сделали много для изучения быта жителей Сибири, но в то же время не следует забывать, что первые шаги в этом направлении, как это в свое время убедительно показал В. И. Шунков, были сделаны государственными учреждениями России в XVII в. Нам также представляется мало оправданным расширение очерка за счет включения в него данных по всей Сибири. Это несколько нарушает общую целевую направленность сборника, так как содержание всех остальных его материалов связано с изучением только Западной Сибири.

Авторы статьи почти полностью использовали основную литературу по проблемам, связанным с формированием материальной культуры русского населения Сибири. Замечания в этом отношении вызывает раздел «Земледельческие орудия русского населения Сибири». Здесь даже не упомянуты такие принципиально важные для освещения темы периодические издания, как журналы: «Сибирский земледелец и садовод» (впоследствии «Сибирское сельское хозяйство»), «Нужды сельского хозяйства Западной Сибири», газета «Отдел кустарной и сельскохозяйственной промышленности», выходившая в качестве приложения к «Тобольским губернским ведомостям» и др. Несомненно сужено значение работ Н. Л. Скалозубова в исследовании сельского хозяйства Зауралья. Основная заслуга этого ученого заключается в том, что им была вскрыта несостоятельность исходных позиций А. А. Кауфмана и др., определявших сибирскую земледельческую культуру как отсталую¹. Между тем авторы ссылаются всего лишь

¹ Об этом подробнее см. В. М. Суринов, Общественно-научная деятельность Н. Л. Скалозубова (Из истории формирования агрономических служб Сибири), Автореф. канд. дис., М., 1967.

на одну статью Н. Л. Скалозубова «Сельское хозяйство в Тобольской губернии» (СПб., 1898), что не может удовлетворить читателя.

К историографической части сборника логически примыкают три статьи источниковедческого характера: А. А. Лебедевой «Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII — начало XX в.)» (стр. 223—235), В. А. Липинской «Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края)» (стр. 236—280) и А. В. Сафьяновой «Разработка материалов переписей населения о сибирском жилище (по данным вопросных листов 1877 г.)» (стр. 281—287).

А. А. Лебедева в своей работе пытается выяснить значение различных категорий источников — воспоминаний старожилов и документов делопроизводственных комплексов в изучении этнографических проблем. В статье справедливо отмечается, что со временем возрастает значение документов, хранящихся в государственных архивах. Автор выясняет информационные возможности документов делопроизводственных комплексов окружных судов, волостных правлений и пр. Однако содержание статьи не в полной мере отвечает ее названию. Очевидно, речь идет не о «массовых типах» — это неправильно и стилистически, и по существу, а о типах «массовых архивных источников». Не следовало, по-видимому, ограничиваться простым перечислением имеющихся архивных источников, а надо было, как кажется, провести известную формализацию их реквизитов для последующей статистической обработки на ЭВМ.

Статья В. А. Липинской заслуживает внимания не только в источниковедческом плане. В ней также рассматриваются существующие классификации поселений и на основе анализа фотопланов, хранящихся в архиве Главного управления землеустройства и земледользования Алтайского края, делается попытка нового решения этого вопроса. Привлечение свежих источников — несомненно, достоинство рассматриваемой работы. Автор справедливо указывает, что большое значение в этих источниках имеет «планировка жилой части поселения», так как в ней могут проявляться народные строительные традиции (стр. 241).

На основании изучения этих традиций в статье делается вывод о значительной роли переселенцев из малоземельных районов Южной России и Украины в развитии строительной техники в Сибири (стр. 243, 249).

Нам представляется, что в статье В. А. Липинской недостает развернутой характеристики «фотоплана» как источника в системе других источников, используемых для исследования названной темы.

В небольшой статье А. В. Сафьяновой дается анализ вопросных листов 1877 г., которые составлялись в связи с предполагавшейся переписью населения. Автор свел в таблицу содержащиеся в них данные. Приложенная к статье карта дает многофакторную пространственную информацию об уровнях развития строительной техники Западной Сибири.

Заслуживает внимания вывод о том, что дешевые покрытия были свойственны как старожилам, так и новоселам и являются одним из показателей классового расслоения сибирской деревни.

В. А. Александров и П. И. Рощевский в статье «Опыт изучения материальной культуры населения Тюменской области студентами-историками» (стр. 288—294) также дают характеристику источников. Эта работа интересна прежде всего тем, что показывает, как можно организовать восполнение источниковедческой базы этнографического исследования. Авторы предлагают привлечь к сбору этнографических материалов студентов-историков. Справедливо отмечается, что это способствует «пропаганде этнографических знаний, внедрению конкретного понимания существенности изучения старого быта при сопоставлении с новым, приобщению к познанию родного края, а иногда к находкам ценных раритетов» (стр. 289).

Четыре статьи сборника посвящены собственно формированию элементов материальной культуры русского населения в Западной Сибири.

В статье В. М. Суринова (стр. 110—149) говорится об изучении производительных сил в земледелии Западной Сибири на рубеже XIX—XX вв. Автор до известной степени подтверждает те теоретические разработки, которые были сделаны им ранее в ряде других работ, посвященных формированию структуры производительных сил в земледелии.

В. М. Суринов вводит в научный оборот фактический материал, убедительно подтверждающий зависимость элементов земледельческой культуры от возможностей сельскохозяйственного производства на определенной территории. В частности, следует признать взаимосвязь ритма сельскохозяйственных работ и форм землепользования. Предложенный автором метод может быть с успехом применен к изучению многих других элементов материальной культуры и позволит наметить реальную взаимозависимость этих элементов и производственной деятельности человека, отойти от известной декларативности в этом вопросе.

Ценность статьи В. М. Суринова определяется тем, что в ней выделены три главных этапа, три качественные стадии развития производительных сил изучаемого региона в рассматриваемый период. Основой для их выделения послужили такие важные элементы земледельческой культуры, как состав культурной флоры, конструктивные особенности орудий, применявшихся для обработки земли и для уборки урожая.

Комплексный подход к изучаемой проблеме и привлечение для аргументации большого количества фактов позволили автору хорошо обосновать свои выводы.

В начале статьи В. М. Суринова содержатся ценные наблюдения и источниковедческого характера, но, к сожалению, этот аспект должного развития не получил. Автор, видимо, случайно допустил досадную неточность. На рис. 1 приводится фотоснимок не сохи-пермянки (№ 2), как это отмечается в комментарии, а очень распространенной вплоть до 90-х годов XIX в. в Сибири сохи-колясочки. Совершенно отчетливо видны сошник-мужикоч, сошник-жинка и деревянная шабала.

В статье В. А. Литинской «Русские поселения южной части Тюменской области конца XIX—начала XX в. (по материалам полевых исследований 1968—1969 гг.)» (стр. 150—169) освещается история возникновения и перемещения населенных пунктов. Автор сопоставляет данные, полученные путем расспроса старожилов, с источниками и литературными материалами. Это значительно обогащает сложившиеся представления об условиях, а главным образом импульсах миграционных процессов. В работе приводятся также любопытные материалы о брачных связях сибирского села. Сопоставляя результаты пофамильного обследования с материалами антропологических измерений, автор приходит к выводу о том, что установление брачных связей между жителями в прошлом зависело от географических и социальных факторов. Так, в частности, отмечается, что браки в пределах одного села чаще всего встречались у старообрядцев.

Нам представляется, что в статье следовало бы специально рассмотреть, как влияют экстенсивные формы земледелия на формирование и развитие населенных пунктов. Это обстоятельство нашло отражение в фактах организации заимочного земледелия. Автор приводит данные об этом, но не объясняет их.

Определенный интерес представляет попытка использовать в качестве источника для выяснения истории населенных пунктов материалы топонимии. 250 собранных наименований были разбиты на соответствующие семантические группы, и на основании их анализа сделан вывод о наиболее распространенных вариантах. Неясно, однако, относятся ли эти названия к одному населенному пункту, сложившемуся региону, или они получены в результате случайной статистической выборки. Некоторые другие положения статьи также вызывают сомнения. Тезис о благоприятных условиях для развития сельского хозяйства на юге Тобольской губернии нуждается в доказательстве путем сравнения с условиями в других регионах (качеством почвы, количеством осадков, временем их выпадения). Крайне некачественно характеризуется почвенный покров изучаемого района. По мнению автора, в лесостепной зоне преобладали (?) подзолистые (?) почвы, в долинах рек — аллювиальные, а на юге — черноземно-луговые (серые лесные — ?!). По почвенному покрову Сибири есть ряд капитальных исследований, таких, например, как работы К. П. Горшенникова, дающие возможность более квалифицированно характеризовать его на изучаемой территории.

В статье В. А. Литинской и А. В. Сафьяновой «Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX—начало XX в.)» (стр. 170—201) освещаются самые разнообразные аспекты развития народной строительной техники и зодчества. Авторы детально описывают методику исследования, что определяет высокую ценность вводимых в научный оборот фактов. В статье убедительно показано высокое мастерство сибирских строителей, их умение учитывать специфические природные условия. Статья хорошо иллюстрирована фотографиями, планами, рисунками. Интересны соображения авторов о причинах, обусловивших сохранение в Сибири наиболее древних образцов народного зодчества (стр. 175, 182).

Недостаток статьи в том, что элементы материальной культуры здесь не увязываются со спецификой производственной деятельности населения. Статья очень бы выиграла, если бы авторы выделили временные этапы в развитии народного зодчества, как это сделано в статье, посвященной формированию производительных сил сельского хозяйства. Материала для этого более чем достаточно.

Статья А. А. Лебедевой «Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX—начало XX в.)» (стр. 202—229) основана на широком круге опубликованных источников и свежем документальном материале из различных архивов, а также на материалах сибирских музеев. В статье показаны различия и черты сходства в одежде разных социальных, религиозных и этнических групп населения, влияние производственной деятельности на унификацию форм одежды. Рассматривается, какое влияние на одежду русского населения Сибири оказала одежда переселенцев. Статья хорошо иллюстрирована. Публикуемые в качестве приложения к ней цветные фотографии заметно оживляют сборник в целом. Вызывает некоторое сомнение положение автора о бытовании в отдельных местах Сибири лаптей. Возможно, конечно, что они были принесены новоселами из тех или иных районов России, но вряд ли могли надолго сохраниться в Сибири. Скорее всего мы здесь имеем дело с элементами народной культуры, которые хотя и появлялись в отдельных случаях, но в силу несовместимости с новыми социальными и природными условиями быстро исчезали, точно так же, как некоторые сельскохозяйственные навыки, быстро исчезающие у переселенцев из густонаселенных районов России.

В заключение следует отметить, что рецензируемая книга вносит серьезный вклад в изучение этнографии народов СССР. Получены важные выводы. Предложенные методы исследования, особенно в области сельскохозяйственного производства, с успехом

могут быть использованы при изучении быта и материальной культуры других народов и этнических групп Советского Союза. Книга представляет собой полезное начинание в деле серьезного исследования русского населения Сибири, которое необходимо расширить и продолжить.

П. А. Власюк, В. А. Капитанчук

Самодийский сборник. Новосибирск, 1973, 229 стр.

Рецензируемый сборник по существу представляет собой публикацию кандидатской диссертации Г. Д. Вербова. Кроме того, в него включены три небольшие статьи (Т. Г. Перфильевой, Я. Н. Поповой, А. И. Кузьминой), посвященные исследованию фонемного состава, фонетики и морфологии отдельных северосамодийских языков.

В возрасте 26 лет Григорий Давыдович Вербов защитил диссертацию на тему «Диалект лесных ненцев» и получил ученую степень кандидата филологических наук. Его считали одним из наиболее перспективных молодых лингвистов, работавших в сфере исследования младописьменных языков Европейского Севера и Сибири. Ненецким языком Г. Д. Вербов владел в совершенстве, зная все диалектные и говорные различия.

Интересовался Г. Д. Вербов и этнографическими сюжетами. Его перу принадлежит несколько статей на историко-этнографические темы¹. Одним из наиболее значительных достижений в области исследования этнической и социальной структуры самодийских народов является установленное Г. Д. Вербовым деление сибирских тундровых ненцев на две фратриально-родовые группы².

В ближайших планах Г. Д. Вербова стояла разработка этнолингвистических аспектов проблемы формирования северосамодийских народов и монографическое описание региональных особенностей их материальной и духовной культуры. Но осуществиться им было не дано.

Когда фашистские бронированные колонны стали приближаться к Ленинграду, Григорий Давыдович Вербов подал заявление об отправке на фронт. Он погиб 12 июня 1942 г. неподалеку от станции Понтонная, защищая свой родной город.

За свою короткую творческую жизнь Г. Д. Вербов успел написать так много, что написанные им статьи и другие работы продолжали выходить из печати спустя многие годы после того, как их автора уже не стало³.

Хотя со времени написания диссертации Г. Д. Вербова прошло почти 40 лет, эта работа, как справедливо замечает автор предисловия Л. В. Хомич, «полностью сохраняет свою ценность и в настоящее время как большим фактическим материалом, так и теоретическими выводами» (стр. 8). Конечно, отдельные положения автора на фоне материалов, накопленных этнографами и лингвистами, в особенности за последние годы, нуждаются в определенной коррекции и уточнении, но в целом следует признать, что его работа, безусловно, выдержала проверку временем.

В настоящей рецензии мы рассмотрим преимущественно этнографическую часть диссертации Г. Д. Вербова, не касаясь чисто лингвистических вопросов, связанных с характеристикой диалекта этой самодийской группы.

По своему композиционному построению работа Г. Д. Вербова делится на три структурных подразделения (части): 1) краткие сведения о диалекте лесных ненцев; 2) описание диалекта лесных ненцев; 3) отношение диалекта лесных ненцев к диалекту ненцев тундровых. Работа снабжена коротким авторским предисловием, имеется список литературы и приложения: тексты двух ненецких сказок с русским переводом и словарь к этим текстам с подробным грамматическим разбором.

Первая часть диссертации Г. Д. Вербова целиком опубликована автором в журнале «Советская этнография»⁴. Она и по сей день остается основным источником по этнографии лесных ненцев. Поскольку эта работа давно и достаточно хорошо известна специалистам и даже включена в качестве обязательного пособия в вузовские программы кафедр, готовящих этнографов, на ее подробном разборе мы не будем останавливаться. Укажем только, что по сравнению с данными переписи 1926 г., которыми оперирует Г. Д. Вербов, численность лесных ненцев, как это установлено материалами полевых

¹ Г. Д. Вербов, Лесные ненцы, «Сов. этнография», 1936, № 2; его же, О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в., «Изв. ВГО», 1943, т. 75, вып. 5.

² Г. Д. Вербов, Пережитки родового строя у ненцев, «Сов. этнография», 1939, № 2.

³ См., например, В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772), М.—Л., 1947. Подг. к печати и предисловие Г. Д. Вербова; G. D. Verbov, Bestatungsriten bei den Enzen (Jenissei-Samojedien), «Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker», Budapest, 1963, S. 131—133.

⁴ Г. Д. Вербов, Лесные ненцы.